

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 10

1986

Автандил АДЕИШВИЛИ

ДИРЕКТОР ЗАНЯТ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 10

Автандил АДЕИШВИЛИ

ДИРЕКТОР ЗАНЯТ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ,
ЮМОРЕСКИ

Авторизованный перевод с грузинского

Наума ЛАБКОВСКОГО

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Автандил АДЕИШВИЛИ

Автандил Николаевич Адеишвили — грузинский писатель-юморист. Родился в 1940 году в г. Тбилиси. С 1964 года публикует свои юмористические произведения в грузинском сатирико-юмористическом журнале «Нианги» («Крокодил»). Рассказы А. Н. Адеишвили неоднократно печатались в центральных журналах и газетах: в «Огоньке», «Крокодиле», «Литературной газете», «Вечерней Москве» и др. изданиях.

Автор выпустил в свет на грузинском языке пять сборников своих рассказов, из них четыре сборника — юмористические.

А. Н. Адеишвили — член КПСС, член Союза писателей СССР, награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Грузинской ССР, лауреат фестиваля «Вишневые усмешки» (г. Киев, 1980 год).

Юмористические рассказы Автандила Адеишвили перепечатывались в болгарских, румынских и польских изданиях.

ДИРЕКТОР ЗАНЯТ

Исидоре застенчиво подошел к секретарше, которая насмерть сидела у дверей директорского кабинета.

— Придется подождать, директор занят! — заученно сказала секретарша.

Исидоре покорно уселся на один из стульев, стоявших вдоль стен, и вскоре заснул.

Ожидавшие в приемной с плохо скрываемой завистью стали обсуждать это происшествие.

— Какой счастливец! Спит!

— Так сладко я спал только в детстве!

— Медицина утверждает, что крепкий сон — лучшее средство против органических заболеваний.

— Придется подождать, директор занят! — через каждые пять минут повторяла секретарша.

Исидоре захрапел.

— Может быть, разбудить его? — предложил кто-то.

— Нет-нет! Ни в коем случае! — запротестовала секретарша. — Он так сладко спит! — А про себя подумала: «Если его разбудить, он со свежими силами станет пробиваться к директору!»

Исидоре храпел во весь голос, и это так позабавило ожидающих в приемной, что за всевозможными остротами на этот счет они и не заметили, как окончился рабочий день.

Все покинули приемную.

Уборщица разбудила Исидоре веником.

— Вставай! Дома доспишь!..

На другой день Исидоре явился на прием к директору с маленькой надувной подушкой.

— Придется подождать, директор занят! — сказала секретарша.

Исидоре зевнул и сразу заснул.

— Сегодня спит спокойнее, не ворочается, — сказал кто-то из ожидавших в приемной.

— Медицина говорит, что человек спит хорошо там, где привыкает.

— Крепко спит, но неудобно, шея покривится,— пожалел кто-то,— надо его разбудить.

— И не думайте! — всполошилась секретарша и так нежно поправила Исидоре голову на подушечке, что он даже не пошевельнулся.

В этот день, как и в прошлый, Исидоре разбудила уборщица, когда в приемной уже никого не оставалось.

На третий день Исидоре явился в учреждение раньше других, выбрал кресло поудобнее и сразу уснул. Секретарша не могла на него нарадоваться. Вот это посетитель! Мечта. Но по лицам ожидающих можно было понять, что Исидоре им опротивел.

— Глядя на него, и мне хочется спать,— сказал кто-то, еле сдерживая зевоту.

— В конце концов это с его стороны неприлично.

— Интересно, что он ночью делает?

— Что бы ни делал, он не имеет права над нами издеваться,— сказал кто-то и всхрапнул.

Один из ожидающих не выдержал и растолкал Исидоре.

— А!.. Что?.. В чем дело? — спросил тот.

— Зачем вы сюда пришли? Что вам нужно?

— Хочу попасть на прием к директору.

— Как же вы к нему попадете, если вы целый день спите?

— А если вы не спите, вы к нему попадете? — пробормотал Исидоре и захрапел.

На четвертый день Исидоре опять явился к началу рабочего дня. Однако почти все места в приемной уже были заняты. Ожидающие дружно храпели и сопели на разные голоса... Почувствовав себя отстающим, Исидоре поспешно присоединился к ним.

Секретарша зевнула:

— Придется... а-а-а... подождать... а-а-а... директор, а-а-а... — произнесла секретарша, сопровождая каждое слово сладким зевком, и, не закончив фразы, уронила голову на стол.

И в этот момент Исидоре проснулся. Увидев, что секретарша спит и путь к директорскому кабинету открыт, он тихо вошел в кабинет. Директор мирно храпел в своем кресле.

Исидоре вспомнил, что в каком-то журнале писал о том, как во сне легко усваиваются иностранные языки.

«А если ему сказать на родном...», — подумал Исидоре и быстро достал из портфеля заготовленные документы.

— Подпишите,— шепнул он на ухо спящему.

— Что подписать? — спросил директор, не открывая глаз.

— Распоряжение о выделении нам фондов.

— Где подписать? — спросил директор, продолжая похрапывать.

— Здесь... — Исидоре вложил в пальцы директора самопишущую ручку.

Директор всхрипнул и подписал.

Исидоре поудобнее уложил голову директора на письменный стол и на цыпочках вышел из кабинета.

В приемной все спали. И возможно, им снилось, что директор занят...

ОН ВСЕ ЗНАЕТ

Полихрл Неонович шумно пил молоко из чашки. Он очень спешил на работу, а жена, усевшись напротив, информировала его о своих успехах за вчерашний день.

— Полико! Посмотри на эту кофту. Вчера в 12 часов дня, когда я шла за нашим мальчиком в школу, в магазине напротив продавали эти кофты. Просто прелесть! Конечно, я купила. Тебе нравится?

Полихрл Неонович чуть не подавился бутербродом, но промычал:

— Да...

— А в два часа,— продолжала жена,— когда я вела нашего мальчика на урок английского языка, в Центральном универмаге продавали эти дамские сумки. Просто прелесть! Конечно, я купила. Тебе нравится?

Так как во рту Полихрла Неоновича был большой кусок торта, он только промычал:

— Угу!

— О, я совсем забыла! — воскликнула жена.— В четыре часа, когда я шла к подруге, в галантерейном магазине напротив оперного театра продавали шикарные галстуки. Я купила тебе...

Полихрла Неоновича закачало от расцветки галстука, но так как он отправил в рот большой кусок пахлавы, он сумел только воскликнуть:

— Ого!

После этого он уехал на работу.

Едва Полихрл Неонович уселся за стол в своем служебном кабинете, вошла секретарша.

Полихрл Неонович некоторое время смотрел на нее не мигая, видимо, что-то мучительно вспоминал.

«Где я видел такую кофту? — мысленно допрашивал он сам себя.— А, ну, конечно, только что в руках жены».

— Вас можно поздравить с обновкой,— сказал он,— на вас новая кофта.

— Да... — засмутилась секретарша.— Вам нравится?

— Очень,— сказал Полихрл Неонович сквозь зубы.— Но мне не нравится, что вы в рабочее время ходите по магазинам.

— Я не хожу,— попыталась оправдаться секретарша.

— Не ходите?! — Полихрол Неонович вскипел. — А вчера в 12 часов дня в магазине напротив школы не вы покупали эту кофту?

Секретарша ударилась в слезы, а Полихрол Неонович вызвал к себе заведующую отделом кадров.

— Запишите ей строгий выговор,— начал он и вдруг осекся, вперив свирепый взгляд в сумку, висевшую у завкадрами на плече. — Два строгих выговора! — закричал он. — Один секретарше, один себе! За самовольную отлучку в рабочее время!

— Я никуда не отлучалась,— попыталась отбиться завкадрами.

— Не отлучались?..— прошипел Полихрол Неонович. — А в два часа дня, не припомните? А Центральный универмаг не припомните?..

Он вызвал к себе главбуха.

— Послушай, Элизбар,— сказал он,— при выдаче зарплаты удержи у этих двух модниц за прогул... — Здесь он внезапно устался в галстук сумасшедшей расцветки, торчавший на груди у главбуха...

— Три строгих выговора! — завопил он. — Три удержания за прогул! Я вас научу трудовой дисциплине...

— Кому третий выговор? — не понял главбух.

— Тебе, любезный, тебе,— со всем ехидством, на которое он был способен, произнес Полихрол Неонович. — Может быть, это не ты копался вчера в четыре часа дня в кипе галстуков в галантерейном магазине напротив оперного театра...

По учреждению передавали из уст в уста:

— Будьте осторожны, никуда не отлучайтесь в служебное время. Полихрол все знает...

ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК

— Уважаемый Илья Алексеевич, звонила ваша супруга и спрашивала, что вы желаете на обед: чихиртму из курицы или плов из баранины?

— А как вы думаете, что лучше?

— Чихиртма полезнее, но плов вкуснее.

— Тогда лучше...— директор поглядел на свой живот, перевесившийся через пояс,—...чихиртму из курицы.

— Совершенно правильное решение,— кивнул головой секретарь и вышел из кабинета.

Но почти сразу же в кабинет вошел главный бухгалтер.

— Уважаемый Илья Алексеевич,— сказал он,— звонил ваш сын. Он просит срочно дать решение задачи, которую ему задали в школе.

— А разве я вам задачу не передал? — удивился директор. — Почему вы ее до сих пор не решили!

— Вы ее мне передали, это совершенно точно,— пробормотал главный бухгалтер.— Но что-то случилось с электронно-счетной машинкой, она все время показывает разные результаты.

— Тогда передайте задачу главному инженеру. Он имеет высшее техническое образование и обязан решать задачи без машинки. И пусть он немедленно передаст решение по телефону бедному мальчику.

— Сейчас же разыщу главного инженера,— воскликнул главный бухгалтер и выбежал из кабинета.

В кабинет вбежал заведующий культсектором.

— Товарищ директор,— зашептал он, склонившись к начальственному уху,— звонит ваш зять из Москвы. Туристическая поездка протекает хорошо. Но у него к вам один консультативный вопрос: может ли он посетить ресторан, который на Останкинской телевизионной башне? И если да, то может ли он позволить себе...— завкультсектором щелкнул ногтем по воротничку.

Илия Алексеевич задумался.

— Ваше мнение на этот счет? — спросил он после паузы.

— Я думаю, что да.

— Что — «да»?

— Ресторан посетить можно.

— А насчет позволить?..

— Я думаю, что нет.

— Так и передайте зятю. И скажите, что это мое последнее слово.

А в приемной в это время два сотрудника бросали жребий, кому из них сообщить директору, что звонила теща из Гагр и спрашивала, можно ли продлить ей путевку в санаторий еще на месяц. Жребий выпал странный: идти обоим сразу.

Так перед Илией Алексеевичем появились два подчиненных и дуэтом изложили суть дела.

— Ваше мнение? — спросил Илия Алексеевич.

— Да! — сказал первый.

— Нет! — сказал второй.

— Так и передайте,— сказал директор.

Затем в кабинет вошел секретарь.

— Извините, что я отнимаю ваше драгоценное время,— запыхавшись, сказал он.— Опять звонила ваша супруга. Она просит передать вам, что рабочий день кончился и что она рекомендует вам не задерживаться на работе.

Илия Алексеевич посмотрел на часы.

— Передайте ей, что я благодарен за заботу и еду домой.

В приемной — директора попытались перехватить несколько сотрудников учреждения.

— Звонили из... звонили от...

Илия Алексеевич проследовал, не задерживаясь.

— Рабочий день окончен,— бросил он на ходу.— В конце концов директор тоже живой человек...

ВРАГИ ПОДХАЛИМАЖА

— Товарищи, я хочу, чтобы вы знали, что я самый ярый враг подхалимажа. Я могу простить многое... даже прогул, даже сочинение анонимок. Но подхалимов на работе я не потерплю...

Новый директор строго оглядел присутствующих.

Все зааплодировали.

— Наконец-то! — не в силах сдержать эмоций, воскликнул инспектор по кадрам. — Именно о таком руководителе мы мечтали. — Он кинулся к директору, потряс ему руку и снял у него с лацкана длинный женский волос.

— Самая искренняя благодарность за ваши слова, — сказал главный бухгалтер. — Подхалимаж — это зло. Под вашим руководством мы сплоченными рядами будем бороться со злом.

И он сдул несколько пушинок с директорского пиджака.

— Товарищи! — пробасил старший экономист. — Не будем отнимать драгоценного времени у нашего замечательного руководителя. Его слова запали в наши сердца. Все как один на борьбу с подхалимажем!

Потом мы разошлись по нашим рабочим местам и на всех телефонах бешено завертелись диски. Каждый из нас спешил сообщить приятелям поразительную весть — новый директор не терпит подхалимажа. Едва мы отзвонились, как начали звонить нам. Работники из других учреждений интересовались, нет ли у нас свободной штатной единицы.

Сами мы то и дело справлялись у секретарши, что в данный момент делает директор.

— Забыл дома очки, — сообщила секретарша, — диоптрия минус пять, расстояние — шестьдесят четыре.

— Есть! — воскликнул заведующий отделом и, сорвав очки с носа, помчался, цепляясь за углы столов и натываясь на шкафы, в кабинет директора...

Через полчаса поступило новое сообщение:

— Директор решает кроссворд. Застрял на одном слове.

— Какое слово?! — завопили мы хором.

— Низкий человек из восьми букв.

— Лилипут! — выкрикнул кто-то.

Посчитали, не получилось, не хватило одной буквы.

— Карлик, — мрачно сказал бухгалтер.

Не хватило двух букв.

— Подхалим! — неожиданно догадался младший инженер.

...На следующий день в местной газете были напечатаны фамилии правильно решивших кроссворд. На первом месте фигурировал наш директор.

Вскоре наша жизнь омрачилась. Секретарша сообщила:

— Директору нужно устроить на работу племянника, которого не приняли в институт.

— Но у нас нет ни одной вакантной должности.

— Кому-то придется принести себя в жертву.

Бросили жребий. Заявление «по собственному желанию» подал младший инженер. Расставаясь, секретарша плакала громче всех. Такой талантливый молодой человек!

Не успели мы прийти в себя после потрясения, как секретарша принесла весть, что директор решил защитить диссертацию на тему «Организация труда в нашем учреждении».

Мы все как один взялись подготовить материалы. Забросив дела, копались в отчетах, архивах, цифрах, цитатах. Работа кипела. Через два месяца не только материалы, но и сама диссертация была готова, перепечатана, сброшюрована.

На защиту мы провожали директора, как на свадьбу. Чистили ему ботинки, опрыскивали одеколоном, завязывали галстук...

Директор не оправдал нашего доверия. Он провалился, как школьник на экзаменах.

Нашему возмущению не было предела.

— Наш директор — нуль! — сказал старший экономист.

— Притащил в учреждение родственников, — сказал инспектор по кадрам.

— Уволил лучших работников! — всхлипнула секретарша.

— Хотел нас всех превратить в подхалимов, — заключили мы.

...Недавно к нам назначили нового директора...

— Товарищи! — сказал он, собрав аппарат. Я хочу, чтобы вы знали, что я принципиальный противник подхалимажа...

— Наконец-то! — воскликнул инспектор по кадрам и снял с директорского пиджака длинный женский волос...

ЧТО Я ДЕЛАЮ В УЧРЕЖДЕНИИ

Работа — это источник социального существования. Служба — вторая семья, в которой мы проводим шестьдесят процентов нашей жизни. Сначала я боялся этих шестидесяти процентов. Но что делать! «Кто не пьет, тот не ест», — как говорит один мой знакомый, каждую еду воспринимающий как закуску. В эту философию я завернул свою специальность и пришел в учреждение, куда меня направила распределительная комиссия.

Руководитель принял меня без всяких эмоций. Позвал инспектора по кадрам и передал ему меня, как эстафетную палочку.

— Покажи ему комнату и объясни, что он должен делать. У меня

нет времени. Уезжаю в издательство. Выходит моя книга объемом в двенадцать печатных листов!

— Не вовремя пришел,— проворчал инспектор по кадрам.— Сегодня обсуждение моего телесценария.

В коридоре кто-то обогнал нас со скоростью ветра.

— Как ты думаешь,— язвительно спросил инспектор по кадрам,— если человек целый день носится, как ракета, из него получится космонавт?

— Цель — это уже полдела,— философски заметил я.

Инспектор по кадрам от неожиданности даже остановился.

— Послушай! — воскликнул он.— Ты случайно не сочинишь стихи?

— Что вы! Я инженер.

— Тут у нас все инженеры, товароведы, экономисты, бухгалтера, а между тем...

Затем он сдал меня какому-то седовласому мужчине. Тот выпятил губы, наподобие наконечника трубы пылесоса, и несколько раз обошел вокруг меня. У меня было такое чувство, что он собирается проглотить меня...

— Садись за тот стол,— сказал он,— и работай. А мне нужно бежать.

— Знаю, знаю! Вы торопитесь в филармонию сдать цикл лирических песен,— сказал я.

— Неужели заметно? — певучим голосом спросил седовласый.

Перед тем как усесться за свой стол, я поздоровался с владельцами других столов.

— Здравствуйте, я...

— Будь другом, не мешай,— остановил меня один из них.— Мы заканчиваем пьесу на конкурс. Завтра последний день сдачи.

Чтобы не мешать драматургам, я отправился в бухгалтерию.

Бухгалтер писал маслом портрет нашего управляющего...

— Не успел появиться, и уже слоняешься по комнатам! — огрызнулся главбух.

Что мне оставалось делать? Вошел я, как вор, в свою комнату и лег ничком на стол. Вынул из кармана «Справочник инженера» и стал его перелистывать, чтобы не забыть свою специальность. Пока я закреплял знания, все сотрудники покинули помещение. Побежали улаживать творческие дела.

Я почувствовал себя белой вороной. Не желая выделяться из общего фона, я позвонил по телефону своей подруге. Наша беседа была продолжена в кино.

На другой день директор вызвал меня в кабинет.

— Будь правдив! Не терплю, когда изворачиваются. Куда ты девался вчера?

— Был... с невестой... в кино... — честно признался я.

Начальник немедленно созвал в кабинет всех сотрудников.

— Вот... — сказал он, — этот молодой человек только вчера появился у нас в учреждении и вместо того, чтобы ознакомиться с порученной ему работой, убежал в кино! И это в рабочее время!

Обсуждение моего поступка не было очень шумным. Ораторы не предлагали меня наказать. Сошлись на мнении, что для первого раза можно меня простить, и ограничились нотацией. Оставили на работе с испытательным сроком в один год.

Вы хотите знать, что я делаю в учреждении? В настоящий момент в связи с тем, что все основные жанры литературы и искусства разобраны моими коллегами, работаю над сценарием для водной цирковой пантомимы...

С НОВЫМ ГОДОМ!

Сам не знаю почему 31 декабря на меня нашла блажь. Пришла мне в голову мысль поздравить соседей с Новым годом. Вечером я вырядился Дедом Морозом — напялил на себя красный купальный халат, подпоясался махровым полотенцем, на голову надел вывернутую наизнанку ондатровую шапку, вместо бороды повязал белую салфетку, сунул в нейлоновую сумку бутылку шампанского и отправился по этажам.

Сперва позвонил у двери соседа по лестничной площадке. Позвонил раз, другой, вставил в кнопку звонка спичку. Звонок истошно трещал, даже накалился, но никто не откликнулся. Я вынул спичку из кнопки, приложил ухо к замочной скважине... До меня донеслось отдаленное шипение. Очевидно, это подавал сигналы бедствия перегревшийся телевизор, не выключенный хозяевами.

Тогда я поднялся этажом выше. Звонил, стучал кулаками и каблуками, никто не ответил. Но вдруг в тишине я услышал за дверьми нестройное фальшивое пение.

— Что-то рано загуляли! — подумал я, но пение превратилось в сипение, и я понял, что застольную песню исполнял незавернутый кран. Было отчетливо слышно, как «музыкальная» вода лилась на пол.

— Наводнение! — закричал я, представляя себе, как вода сейчас просочится в мою квартиру. — Откройте двери! Закройте кран!

Я стал колотить в соседнюю дверь, но оттуда доносилось только шипение невыключенной газовой плиты.

Понимая размеры надвигающейся катастрофы, я побежал по этажам. Ни одни двери не открылись. Из одной донесся механический голос магнитофона:

— Хозяев нет дома. Квартира на охране милиции.

Из другой разносился хриплый собачий лай, должно быть, тоже записанный на магнитофон.

Обалдевший от всех этих сюрпризов и окончательно сбитый с толку, я еле разыскал свою квартиру. Дрожащими руками я набрал номер телефона домоуправления.

— В чем дело? Что случилось?— услышал я (наконец!) живой голос дежурного по дому.

— Помогите! — закричал я. — В VII микрорайоне, в XII корпусе, в IX подъезде настоящее бедствие! Вода затопила квартиры!

— Ну и что? — ответили мне.

— Утечка газа!

— Уже взорвалось?

— Пока нет, но может каждую минуту! Что делать?

— Спуститесь в кочегарку, там под большим кирпичом лежит ключ, который открывает все квартиры.

— И что дальше?

— Пойдите по этажам и проверьте все квартиры. Где надо — закройте краны, где надо — выключите газовые плиты.

— Почему это должен делать я?

— Не хотите, не делайте.

— Но где хозяева квартир?

— Это вас не касается.

— В таком случае,— вспыхнул я,— отправляйтесь сами по квартирам! Выключайте воду, газ, электричество, телевизоры...

— Я не могу. Я дежурю. А если вы не хотите, пеняйте на себя. Если произойдет пожар, вы останетесь без крыши над головой.

— А остальные?

— У остальных есть запасные квартиры.

Я спустился в кочегарку, нашел универсальный ключ под кирпичом и полночи бегал по этажам, выключал разные приборы в разных квартирах.

Потом я свалился и уснул. Крепко. С сознанием исполненного долга. Встречу Нового года я, конечно, проспал. Проснулся я от какого-то странного шипения. Это подавал сигналы бедствия мой перегревшийся телевизор. Из ванной доносилось нестройное пение: тонкой струйкой лилась вода из незавернутого крана. На кухне хрипло свистел докрасна накалившийся чайник, оставленный на зажженной плите.

— Безобразия! — закричал я. — Что за недотепы живут в нашем доме! Ведь так запросто можно захлебнуться, взорваться, сгореть!..

Но тут я взглянул в зеркало и прикусил язык. В квартире, кроме меня, никого не было...

ЛЮСТРА

Настало воскресенье. Это для меня неясный день. Даже если светит ясное солнце. В субботу все понятно. После рабочей недели хочется отдохнуть и отдышаться. А в воскресенье только проснешься, уже

думаешь о понедельнике. И не хочется вылезать из-под одеяла. Уж если отдыхать, так отдыхать!

Я ворочаюсь в постели, и ничего мне не надо. Нет у меня «Жигулей», и слава богу! Не приходится думать о бензине, об автопокрышках, об автоинспекции. Нет у меня красивой жены, в этом тоже своя прелесть — никто меня не пилит с утра до вечера. Нет у меня талантов... без них куда спокойнее — никто не старается зарыть их в землю.

Пожалуй, я самый счастливый человек...

Самый, самый.

Однако мои мысли перебивает какой-то внутренний голос. Станный, вроде не мой. Неопознанный.

— Что ты морочишь себе голову, — говорит этот голос, — какой нормальный человек не хочет иметь будущего?

— Я! — говорю я.

— Неправда! — отвечает он. — Ты просто лентяй и стараешься оправдать себя в собственных глазах. Вот взгляни в угол комнаты. Там вторую неделю валяется люстра, которая упала потому, что ты подвесил ее не на цепь, а на какой-то прогнувшийся шпагат. А ты никак не соберешься повесить люстру на место.

— Но она тяжелая! — закричал я. — С цепью я вообще поднять ее не могу.

Внутренний голос ничего не ответил, только издевательски хихикнул. Я решил себя реабилитировать. Я оделся и поплелся в хозяйственный магазин. Хорошо, что, несмотря на воскресенье, магазин был открыт. Видимо, старался выполнить недовыполненный план.

— Есть ли у вас крепкая веревка? — спросил я.

— Крепкая... для какой цели? — спросила молоденькая продавщица.

— А вот это уж вас не касается, — рассердился я. — Допустим, мне нужно кое-что повесить...

— Повеситься? — воскликнула девушка. — Я не зря вас спросила. У вас такой вид... Мы не можем допустить, чтобы покупатель повисел на веревке, которую мы ему продали.

— Но что мне делать? — вырвалось у меня.

— Если вам уж так приспичило, попробуйте прыгнуть с восьмого этажа, — съязвила девушка.

— Я живу на втором! — уточнил я.

— Да, тогда результата не будет...

— Веревка мне нужна, чтобы повесить люстру!

— Это меняет дело. — Девушка достала с полки скатку веревки. — Вот очень крепкая. Сколько метров отрезать?

— Это не веревка, а уродство. Какая-то мохнатая. На ней только белье сушить во дворе.

- Пожалуйста, вот красивая. Импортная.
- Импортная подходит. Отрежьте три метра...

Я принес веревку домой, достал из чулана лестницу-стремянку и полез под потолок.

Только я начал укреплять конец веревки к крюку, как зашел сосед.

— Ты что тут делаешь? — спросил он. — Вешаться собрался? Давай помогу.

— Люстру буду вешать, — проворчал я.

— Ну, с этим ты без меня справишься. А где твоя люстра?

Я показал в угол комнаты.

— Неужели ты повесишь в комнате эту старую чугунную рухлядь? — удивился он.

— Не чугунную, а бронзовую.

— Она такая же бронзовая, как ты золотой. Слушай! Ты знаешь, как я к тебе отношусь! Жена купила новую люстру. Последний крик моды. Если хочешь, я с тобой поменяюсь. Я не люблю модных вещей, а ты молодой, тебе мода в самый раз.

С этими словами он унес мою люстру, а взамен принес кастрюлю. То есть не совсем кастрюлю, а точнее, кастрюлю с продырявленным дном, куда была вделана электрическая лампочка.

Кастрюля оказалась еще тяжелее моей люстры. Пока я волок ее по полу, комната наполнилась соседями. Слух о том, что я приобрел какую-то сверхмодерновую вещь, мгновенно распространился по дому.

Послышались комментарии:

— Свежо и оригинально!

— Самовар был бы лучше.

— А я бы предпочел сковороду. Плоскость освещения у нее больше.

Наконец терпение зрителей лопнуло.

— Послушай! — крикнул кто-то. — Долго ты будешь нас здесь держать. У всех свои дела. Вешай люстру и освободи людей.

Как я ни старался, кастрюля мне не подчинялась.

Два молодых здоровяка взялись мне помочь. Втроем мы подвесили люстру к потолку.

— Подключи провода, — командовали соседи. — Только смотри, чтобы током не ударило. Теперь слезай, не мешай смотреть.

Я убрал стремянку. Все расступились и задрали головы кверху.

Кастрюля висела, слегка покачиваясь.

Я повернул выключатель.

В паркете отразилось небольшое световое пятно.

— И это все? — послышались разочарованные голоса. — Какая это люстра? Это ночник!

Вдруг раздался треск. Вережка лопнула. Люстра с грохотом обрушилась на пол, выломив несколько паркетин.

— На что ты ее повесил! — возмутился бывший владелец кастрюли.— Это же веревка бумажная!

— Зато импортная,— уточнил кто-то.

Соседи посмеялись и разошлись, а я остался наедине с кастрюлей.

— В конце концов в ней можно будет готовить плов,— попытался я утешить себя.

— Увы! — возразил неопознанный внутренний голос.— В ее дне просверлено отверстие для электрического патрона.

— Это ты меня заставил вешать люстру! — разгневался я.— Лежал бы я в постели, и люстра лежала бы в углу.

— А развлечение! — не унимался внутренний голос.— Как незаметно прошел день!.. Ну, не огорчайся! Завтра, после работы, купишь новую люстру. Легкую, современную, воздушную. Она озарит твою комнату теплым уютным светом. Ты приведешь в дом прекрасную девушку. Она станет твоей женой. На заводе у тебя обнаружится масса талантов, и никто не посмеет зарыть их в землю.

— Спасибо! Ты мне уже насоветовал,— проворчал я.— Больше не буду тебя слушать!

Я прыгнул в постель, укрылся с головой одеялом и заснул.

Утром, по дороге на работу, в троллейбусе, я заскучал по внутреннему голосу. Прислушался. Он молчал. Должно быть, обиделся. А может быть, понял, что свое дело сделал.

Черт побери! Сколько прелестных девушек было вокруг! А вот эта, что стоит в проходе, держась за поручень! Это же сама мечта. Мечта... мечта... старая, неисполнимая мечта о реконструкции главного конвейера... А что, если... ну, конечно же... Пожалуй, если эта мечта осуществится, я смогу приобрести «Жигули»...

Странно... небо вроде затянуто осенними тучами, а день такой ясный, весенний...

МОЕ ОТКРЫТИЕ

У меня есть своя точка зрения на великие открытия. Менее романтическая, но более практическая. Я ее никому не навязываю, однако, если очень попросите, могу изложить.

Ни одно открытие не рождается просто так. Возьмем, например, случай с Коперником. С чего это он вдруг открыл закон земного вращения? Если вдуматься, все происходило предельно ясно. Вообще он был человек непьющий. Стойкий трезвенник. Но однажды судьба занесла его в веселую компанию ученых. Как ни отказывался, отказаться не удалось. Возвращаясь домой, он обнаружил, что земля под ногами вертится. Зафиксировал этот факт и защитил диссертацию. Ньютону тоже повезло. Как известно, ему на голову упало яб-

локо. Мало ли кому на голову падало яблоко? Но Ньютон, схватившись за голову, обнаружил там шишку. Это свидетельствовало о том, что яблоко было твердое, как камень, а значит, незрелое. Ньютон знал, что сами собой яблоки с деревьев не падают. Только перезрелые. А перезрелые твердыми, как камень, не бывают. Пораскинув мозгами, Ньютон сделал вывод, что незрелое яблоко могло упасть с дерева только потому, что его что-то притянуло. Таким образом он открыл закон земного притяжения.

Ничего в природе просто так не бывает. И человек гением ни с того ни с сего не становится.

Вот и со мной произошло нечто подобное. Недавно я открыл закон взаимного тяготения человеческих душ. Было это так.

Как-то я заметил, что жена на меня странно смотрит.

— В чем дело? — спросил я.

— Не собрался ли ты стать космонавтом? — улыбаясь, говорит жена. — Вот уже десять минут ты вращаешься в вращающемся кресле.

— Никем я не собираюсь стать. Я просто ищущий сюжет для своего заявления в домоуправление о необходимости наконец отремонтировать наш разваливающийся жилой дом.

— Человек никогда не бывает доволен тем, что имеет, — философски заметила жена. — Вот Нателла Георгиевна, моя сослуживица. Ее муж — ответственный работник райисполкома, они недавно получили квартиру в новом доме. Ты думаешь, они довольны? Квартира со всеми удобствами, рядом школа, детский сад, мотоклуб, ремонтная мастерская... Но мальчики в школе играют в футбол, девочки в детсаду визжат не смолкая, в мотоклубе целый день трещат моторы, а ремонтная мастерская узкоспециализированная: здесь ремонтируют автомобильные сигналы...

Да, в нашем доме всех этих шумовых эффектов нет. У нас тишина, но как взрывается эта тишина, когда в дождливый день с потолка начинают падать звенящие капли. Сперва капли, а потом ручьи.

— Скорей неси тазы! — кричит жена.

— Подставляй ведра! — вопит теща.

Не знаю, что хуже: вой автомобильных сирен или нежная мелодия ручьев, стекающих по обоям.

Однажды на работе у жены был организован культпоход на концерт модного вокально-инструментального ансамбля. Сослуживица жены — Нателла Георгиевна с мужем — тоже пришла на вечер. Наши места оказались рядом. Едва началась программа, как четыре бородатых музыканта грянули во всю мощь стереоусилителей.

— О, господи! — застонал муж Нателлы Георгиевны. — Это еще почище, чем школьные футболисты и энтузиасты мотоспорта.

— Ой, сил никаких нет! — пожаловался я. — У нас в доме тишина, мы не привыкли к шуму.

— Счастливые люди! — вздохнул муж Нателлы Георгиевны.— Может, кто-нибудь из ваших соседей хочет поменяться квартирами?...

И тут я вздрогнул... Как будто яблоко упало с дерева мне на голову...

— Есть у нас один сосед,— осторожно сказал я.— Он все время ворчит. Чем-то недоволен. Говорит, что не может жить в такой гробовой тишине.

— Умоляю вас,— вскричал муж Нателлы Георгиевны,— уговорите его поменяться квартирами. Я согласен на любые условия. Оплачу ремонт, переезд, дам в придачу пианино «Аккорд».

— Не шумите, вы не дома! — зашипела на нас какая-то любительница шумовой музыки.— Из-за вас музыкантов не слышно.

На следующее утро я зашел к своему соседу. Это был многосемейный пенсионер, тугой на оба уха. Наверно, поэтому он был избран председателем общественного комитета по борьбе с городскими шумами. Он сидел за обеденным столом и стучал вилкой по фаянсовой тарелке.

— Я работаю над диссертацией на тему «Влияние шума кухонной посуды на нервную систему и аппетит».

Я похвалил его. Как бы между прочим рассказал, что один мой знакомый хочет поменять прекрасную квартиру, так как у него отвратительные соседи.

— Лучше иметь самых отвратительных соседей, чем протекающий потолок,— проворчал глуховатый пенсионер.— Я готов поменяться. Поговорите с ним...

Я поговорил... Вас может заинтересовать, зачем я все это затеял. Конечно, сами не додумались, ведь яблоко на голову упало не вам.

Вскоре всё уладилось.

Наступили жаркие дни. Дождей не было, и мужу Нателлы Георгиевны квартира моего соседа понравилась.

А мой сосед пришел в восторг от нового дома, в который ему предстояло въехать.

Здесь я должен признаться: на смотрины квартиры я повел его вечером, когда ни школа, ни детсад, ни мотоклуб, ни ремонтная мастерская не функционировали.

Обмен состоялся. Обе стороны были очень довольны.

— Дом, конечно, требует ремонта,— говорил муж Нателлы Георгиевны,— но зато какая тишина! Я будто в рай попал...

Я ожидал первого дождя и все время поглядывал на барометр.

Мой бывший сосед наслаждался новой квартирой целых два дня — в субботу и в воскресенье.

В понедельник, к концу дня, он прибежал ко мне всклокоченный и озверевший. Мой расчет на его неполноценный слух не оправдался. Децибелы окружающей среды пробились сквозь туговатые барабанные перепонки.

— Негодяй! Взятчик! Сколько тебе заплатили, чтобы ты подсунул мне этот обмен!..

Не зря говорят, что беда никогда не приходит одна.

Ночью пошел дождь. Нет, это был не дождь и даже не ливень! Это был катаклизм.

На рассвете ко мне ворвался муж Нателлы Георгиевны. Он был не полностью одет, но в руках держал таз, полный дождевой воды. Я не успел оглянуться, как таз опустел, а я стал мокрый до нитки.

— Жулик! Взятчик! — завизжал мой ранний гость. — Сколько тебе заплатили за то, чтобы ты заманил меня в эту пещеру?

Обе стороны подали на меня в суд. Глуховатый пенсионер обвинял меня в получении взятки от работника райисполкома, а тот, в свою очередь, обвинял меня в получении взятки от глуховатого пенсионера. Обвинения суд отменил. А взвесив недостатки обеих квартир, пришел к выводу, что «обмен совершен взаимовыгодно».

Все окончилось благополучно.

Если вы помните (а я-то это все время помнил), муж Нателлы Георгиевны работал в райисполкоме. И, как выяснилось, ведал там ремонтом жилых помещений. То, что не смогли сделать сто моих заявлений в разные инстанции, сделал один росчерк его пера. Ничего не поделаешь, как говорит один мой знакомый философ: «Своя крыша ближе к делу». Наш дом поставлен на капитальный ремонт без переселения жильцов.

Но, как ни странно, то, что не смог сделать в борьбе с шумом райисполкомовский работник, сделал глуховатый пенсионер. Ведь он был председателем общественного комитета по борьбе с городскими шумами. Он поднял такой шум, что меры были приняты незамедлительно.

Детсад и школа взяты в кольцо пышных лиственных деревьев, пересаженных сюда из парка. Их звуконепроницаемость оказалась намного эффективнее «звукопроводимых» строительных материалов. Мотоклуб и мастерская по ремонту автосигналов перенесены в район, отдаленный от жилых массивов. Враждующие стороны примирились и даже подружились. И пришли к единому мнению, что я, в общем, симпатичный товарищ. Кажется, они даже не прочь произвести обратный обмен.

Так мною был открыт закон взаимного тяготения человеческих душ. Оказывается, как немного нужно, чтобы люди жили дружно и улыбаиво. Нужно только устранить раздражающие факторы.

Вы хотите сказать, что так бывает только в рассказах.

Но ведь это и есть рассказ, притом юмористический. А юмористические рассказы существуют не для того, чтобы излагать отрицательные факты нашей действительности. Они существуют для того, чтобы расшевеливать мысли.

МЕТОД САМОВНУШЕНИЯ

Аквиатадзе умоляюще посмотрел на врача.

— Товарищ доктор,— сказал он,— сделайте что-нибудь. Начальник вызвал и сказал, чтобы не позже завтрашнего дня я был в Москве. Нужно добиться выделения фондов для нашего предприятия. Мой самолет отлетает через два часа.

— Что я должен сделать? — непонимающе спросил врач.

— Дать больничный лист.

— Извините,— сухо сказал врач,— вы совершенно здоровы.

— Нет, доктор, нет! — взмолился Аквиатадзе.— Дело в том, что в самолете меня страшно укачивает. Больше тридцати минут я не выдерживаю. А от Тбилиси до Москвы — больше двух часов.

— Ну, что ж,— улыбнулся врач.— Есть средство: поезжайте поездом.

— Что вы! Что вы! — вскричал Аквиатадзе.— В поезде я могу ездить только днем. Стоит заснуть, как мне снятся кошмары! Колеса тук-тук-тук, а мне мерещится, что я кусок металла, лежу на наковальне, а кузнецы бьют по мне молотами. От моего крика все пассажиры разбегаются из купе.

— Сложный случай,— сказал врач.— Больничный лист я вам не дам, а помочь попытаюсь. Значит, когда вы летите самолетом, вас укачивает?

— Никаких сил нету.

— Попробуем применить метод самовнушения. Как только вы сядете в самолет, повторяйте про себя: «Я в поезде! Я в поезде!» Желаю счастливого полета.

Полный надежд, Аквиатадзе устроился в откидном кресле. Едва самолет оторвался от земли, Аквиатадзе стал быстро повторять про себя: «Я в поезде! Я в поезде!»

Самолет уже проделал четверть пути, между тем Аквиатадзе чувствовал себя прекрасно, не было и намека на укачивание. Вскоре он безмятежно заснул...

Пассажиры повскакивали с мест от душераздирающего крика: «Помогите! Убивают!» Аквиатадзе рыдал, метался в кресле, сдерживаемый поясом безопасности.

Видимо, метод самовнушения оказался чересчур действенным. Засыпая, Аквиатадзе шептал: «Я в поезде! Я в поезде!» — а в поезде ему всегда снилось, что он кусок металла, лежит на наковальне, кузнецы же молотами выковывают из него какую-то деталь.

В ближайшем аэропорту его выгрузили из самолета и отправили дальше поездом.

— Только бы не уснуть,— шептал Аквиатадзе, затыкая уши, чтобы не слышать стука колес, но глаза закрывались сами.

«Попробуем метод самовнушения», — внезапно вспомнились слова врача.

— А что! — оживился Аквиатадзе. — Почему бы не внушить себе, что я лечу в самолете.

Он прикрыл глаза и стал повторять в уме: «Я в самолете! Я в самолете!»

Стук колес стал затихать.

— Я в самолете! Я в самолете! — продолжал повторять Аквиатадзе.

Кошмаров как не бывало.

— Ах, милый доктор! — повторял Аквиатадзе. — Я в самолете! Я в самолете!..

И вдруг диван под ним закачался. Сперва поплыл вправо, потом влево, затем вперед-назад, вверх-вниз. Аквиатадзе провалился, как будто попал в воздушную яму, и почувствовал, что все его внутренности поднимаются вверх, подступая к самому горлу.

— Я не в самолете! — успел он отчаянно выкрикнуть, но было поздно.

Пассажиры повыскакивали из купе. Аквиатадзе швыряло из стороны в сторону. Прибежавшие проводники не могли к нему подступиться..

На ближайшей станции его выгрузили из поезда.

В местной больнице определили, что признаков отравления нет, давление нормальное, алкоголь в крови не обнаружен, желудочный сок в норме, электрокардиограмма как у новорожденного...

— С чего вас так развезло? — сочувственно спросил врач.

— В самолете укачивает, — слабым голосом произнес Аквиатадзе, — в автобусе укачивает, на воде укачивает, в поезде снятся кошмары, на велосипеде ездить не умею... Как я доберусь до Москвы? Ведь я в командировке!..

— Попробуйте пешком, — посоветовал врач.

— Пока я дойду пешком до столицы, все фонды будут распределены.

Врач развел руками.

— Извините, — сказал он, — что касается фондов, тут медицина бессильна.

АВТОВОР

— Николаевич! Вас вызывает директор! — сказала секретарша и, мотнув гривой, исчезла, как и появилась.

«Меня вызывает директор? Зачем? — подумал я. — Может быть, я допустил грубую ошибку в работе? А может быть, отличился? Нет, скорее всего провинился...

— А, Николаевич! — приветствовал меня директор. — Заходи, я тебя жду. Садись, пожалуйста.

«Эге, — подумал я, — что-то он очень нежный».

— Мне неприятно тебя огорчать, — начал директор после долгой паузы, — но я должен поставить тебя в известность...

Сердце у меня заколотилось.

«Не иначе как сокращение штатов».

— Звонили из домоуправления, — как сквозь сон услышал я. — Взломан твой гараж, угнали твоего «Запорожца». Но ты не волнуйся, управдом уже сообщил в милицию.

Сердцебиение у меня сразу улеглось, пульс вошел в норму.

— Этого не может быть, — сказал я спокойно. — Мою машину угнать нельзя, она не заводится. С тех пор, как я ее получил, она еще ни разу не завелась.

— И ты не показывал ее электрикам? — удивился директор.

— Я приглашал самых дорогих частных мастеров. Они только качали головами: «Заводской брак!» Я на них истратил столько денег, что мог бы целый год не вылезать из такси.

В кабинет вошел главный инженер. Увидев меня, обнял за плечи.

— Не горюй! — сказал он. — У меня тоже в прошлом году угнали машину. Милиция нашла. В таком виде, что я ее еле узнал.

В кабинет вошел председатель месткома. Кинулся ко мне и стал трясти руку.

— Не волнуйся! Местком сделает все, что может. Дадим тебе бесплатную путевку в дом отдыха.

В кабинет вошла бухгалтерша.

— Это ужасно! — воскликнула она. — Человек годами копит деньги, — и вдруг бац, и нет машины!

— Я машину не покупал, — успокоил я бухгалтершу. — Я ее выиграл по лотерее.

— Тем хуже! — всплеснула руками она. — Человек покупает лотерейные билеты! Год — ничего, два — ничего, пять — ничего, и вдруг — машина! Вся семья ликует, а тут — бац...

На столе у директора затрещал телефон.

— Что?! — сказал директор. — Он сейчас приедет!

С ликующим видом директор обернулся ко мне.

— Нашлась твоя машина! Поймали автора!

— Этого не может быть, — сказал я. — Мою машину не могли угнать. Она не заводится.

В милиции меня встретили, как именинника. Показали найденную машину. Она была точно как моя. Но я-то знал, что она не моя. Мою угнать невозможно. Она не заводится.

Мне показали номер, снятый с машины. Это был номер моей машины. Но я не поверил. Я-то знал, что мою машину угнать нельзя. Заводской брак — она не заводится.

Начальник милиции побагровел.

— Минуточку! — сказал я. — Не надо волноваться. Сейчас мы все выясним.

Я полез в чехол передней дверцы и извлек оттуда фотографию моей тещи. Это она подарила мне на счастье, чтобы машина стала заводиться.

— Все ясно, — сказал я. — Машина действительно моя. Ее увезли на буксире.

— Ее угнали своим ходом, — сказал инспектор.

Он вставил ключ в зажигание, и мотор завелся.

— Приведите вора! — заорал я не своим голосом.

Привели какого-то волосатого типа.

На всякий случай милиционеры держали меня за руки. Но я вырвался и бросился вору на шею. Я заключил его в объятия. Я расцеловал его.

— Дорогой! — воскликнул я, немного успокоившись. — Скажи свой адрес, где тебя найти, если понадобится. Ты сделал то, чего не мог сделать ни один самый высокооплачиваемый механик. Ты устранил заводской брак!

И, достав из кармана бумажник, я протянул автовору двадцать рублей...

Тут волосатый тип чуть не заплакал.

— За что ты меня оскорбляешь! — сказал он. — Я автовор, а не мелкий жулик. Я не вымогаю денег у простаков. Я угоняю только исправные машины. Разве я стал бы возиться с твоим «Запорожцем», если бы он был не в порядке!

— Но ведь машина не заводилась?

Тут волосатый тип почему-то покрутил пальцем у виска.

— А ты пробовал хоть раз завести ее сам. Без участия твоих «знаменитых» мастеров!

Вы не знаете, что он хотел этим сказать?..

НЕ ВАШЕ ДЕЛО!

Наконец Бежанико научился есть самостоятельно. Это был сообразительный ребенок. Он протянул руку к белому пышному лавашу и отломил кусочек. И тут отец своей огромной ручищей хлопнул его по ручонке.

Бежанико был мужественный ребенок, он бы это вытерпел, но он не выносил, когда на него кричали. А отец разразился криком:

— Это не твое дело! Твое дело — кушать! — И отец сунул в рот сыночку такой кусок лаваша, как если бы Бежанико был не маленьким мальчиком, а взрослым слоном.

Бежанико понял, что отламывать кусок хлеба не его дело, и никогда больше самостоятельно не прикасался к еде.

Но ручки у него были очень любознательные и то и дело тянулись к разным предметам. И всегда его одергивали криком:

— Не тронь! Это не твое дело!

Постепенно он привык к тому, что всё в доме не его дело; его кормили, одевали, а его дело было только расти.

Однажды, когда из камина выпал раскаленный уголек, Бежанико даже не потянулся за стоявшими рядом металлическими щипцами. Прежде чем на запах гари прибежали взрослые, выгорела дыра в дорогом ковре.

Родители кричали, что так мог сгореть весь дом, но Бежанико это не касалось, он хорошо усвоил, что это не его дело.

Когда настало время пойти в школу, Бежанико авторитетно заявил: «Это не мое дело».

Отец отвел его в школу за ухо.

На первом же уроке учительница спросила Бежанико: «Что такое школа?» Он ответил: «Папа говорит — это не твое дело!»

— Папа так говорит? — спросила учительница и на всякий случай поставила ему пятерку.

Слух о странном ребенке быстро распространился по школе. Он переходил из класса в класс с хорошими отметками, может быть, потому, что преподаватели не хотели связываться с папой, который говорил «Это не твое дело!»

Некоторые преподаватели пытались жаловаться, но им отвечали: «Это не ваше дело! Ваше дело — учить!»

Окончив школу, Бежанико спросил у отца:

— Что я буду теперь делать?

— Не твое дело! — закричал отец и отвел его в институт. В институте Бежанико уже не ссылался на папу. На все вопросы он отвечал от своего имени: «Это не ваше дело!»

— Незаурядный студент, — говорили о нем. — Он далеко пойдет.

И он дошел до диплома. И даже дальше: ему предоставили возможность работать над кандидатской диссертацией. Темой он выбрал: «Какое ваше дело, или это дело не вашего ума».

Чтобы дать ему возможность подготовиться к защите, отец отправил его на природу. В деревню, где цвели мандарины и протекала красивая горная река.

— Папа! — пытался возражать Бежанико. — Я не хочу в деревню! Я хочу жениться!

— Жениться? — заорал отец. — Это не твое дело. Сперва защитись, а уж потом я тебя женю.

И Бежанико уехал в деревню. Там он все дни проводил на реке. Пел песни, пил хорошее деревенское вино, но в реку не входил. Он не умел плавать и твердо знал, что это не его дело.

Но однажды он увидел у реки прелестную девушку. Она вошла в воду и поплыла. Он тут же бросился за ней и стал тонуть. Набежали люди, девушка поплыла в его сторону. Но он барахтался и глотал воду и из его горла вылетали странные слова: «Это не ваше дело! Это не ваше дело!»

Подумав, что парень хороший пловец и просто шутит, все повернули к берегу. А Бежанико все дальше и дальше уносило быстрое горное течение...

Дорогие читатели! Вы, наверное, хотите знать, чем все это кончилось?

А это не ваше дело!..

ПОКРЫШКИ

Семья у меня большая, дружная. Все друг за друга стоят горой, все друг перед другом щеголяют воспитанием. Моя жена свою свекровь, не поверите, называет мамочкой. Моя тетка к тетке моей жены обращается по имени-отчеству. Мой отец, здороваясь с моей тещей, целует ей ручку. Образцово-показательная семья, радость газетных очеркистов.

Недавно подошла моя очередь на автомобиль. Получив открытку из магазина, я потерял свой традиционный оптимизм.

— Чего скучился? — подозрительно спросила теща.

— Как тут не скучиться, — мрачно сказал я, — машина почти что есть. А денег не хватает.

— Сколько не хватает?

— Вы лучше спросите, сколько есть.

— Пятьсот рублей, — ответила жена.

— На эти деньги можно купить только четыре покрышки, — авторитетно заявила теща.

— С камерами, — уточнил я.

— Не печалься, я тебе добавлю на передний и задний мост, — сказала теща.

— А я ему кто? — закричала мать, хватаясь за сберкнижку.

— Чем я хуже других, — проворчал тесть, вытаскивая бумажник.

Сестра побежала за своим мужем, и вместе они притащили кое-какую сумму.

Моя жена проворней электронно-счетной машины подвела итог и воскликнула:

— Не хватает двух тысяч!

— Я здесь, дети! — подросла тетка с ворохом облигаций трехпроцентного займа.

...И вот в нашем дворе появилась новенькая автомашинка яркого зеленого цвета.

Всю неделю члены семьи из нее не вылезали. Даже установили очередь — кому, когда и сколько кататься. Я еле успевал крутить баранку. Теща говорила: «Поедем на Джвари, дорогой!» — и я взлетал на гору. Мать тянула в Светицховели, отец не переставал умиляться красотами Ананури, тетка сходила с ума по Гелати, а тетку моей жены приводил в восхищение Илорский монастырь...

За неделю жене так и не удалось ни разу посидеть в автомобиле. На этой почве у нас произошел конфликт.

— Еще немного — и твои родственники превратят автомобиль в спальню, — довольно мирно начал я.

— Можно подумать, что твои ездят в багажнике! — заметила жена.

— Твоя тетка так обнаглела, что заставила машину загнать на паром, и так переехала через реку в свою деревню, — сказал я.

— А ты хотел, чтобы моя тетка форсировала реку вплавь! — закричала супруга.

— Ну вот что! — заорал я, забыв о традиционной деликатности нашей семьи. — С завтрашнего дня ни мои, ни твои родственники в мою машину не сядут. У меня своих дел полон рот. Я не таксист, а заводчиком солидного учреждения! Интересно, как они жили, пока у меня не было «Жигулей»?

В это время в комнату вошла мать.

— Сынок, — сказала она, — завтра с утра поедем в Гори. Говорят, там яблоки очень дешевые.

— Мой муж вам не шофер! — вскипела жена.

В комнату вошли теща и тесть.

— Дружочек, завтра утром отвезешь нас в бальнеологический институт, — сказала теща.

— Муж вашей дочери вам не шофер! — заорал я.

В эту ночь я спал спокойно. Утром бодро вскочил с постели и с чувством человека, обретшего свободу, вышел на балкон. Выглянул во двор, где стояла машина, и обомлел.

Какие-то здоровенные типы под руководством всех членов нашей большой и дружной семьи разбирали машину на части. Моя тетка волокла куда-то переднее и заднее стекло. Теща и тесть тащили на тележке передний и задний мост. А родители установили посреди двора переднее и заднее сиденья и грелись на утреннем солнышке...

Когда я прибежал во двор, от машины остались только четыре покрывала. Возможно, с камерами.

ЗАРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПРИМЕР

Перед дверью терапевтического кабинета зажглась электрическая надпись: «Следующий, войдите!»

В кабинет, тяжело ступая, вошел пациент.

Врач, который быстро писал что-то в истории болезни, сказал, не поднимая глаз:

— Садитесь.

Пациент сел.

Врач взял в руки чистый бланк.

— С чем пришли? — спросил он.

— Мне больничный лист, — гулким голосом ответил пациент.

— Так сразу — больничный... — съязвил врач. — На что жалуетесь?

— На стереосистему.

Врач удивленно поднял брови.

— Слишком громко играет?

— Нет, балансировка хромает. Когда я говорю, меня слышно то справа, то слева.

И слово «справа» слышалось слева, а слово «слева» прозвучало справа.

— И динамики похрипывают, — пожаловался пациент.

— Бронхит, — записал врач.

— А когда я сгибаю руки, — продолжал пациент, — раздается сильный скрип. Разгибаю — тоже.

— Артрит, — записал врач.

— И еще не выношу музыку.

— Какую именно?

— Которая целый день барабанит в цеху из репродуктора.

— Расшатаны нервы, — записал врач. — Положите ногу на ногу.

Пациент положил. Врач молоточком ударил по колену больного. Раздался металлический гул. Нога не шелохнулась.

— Э, батенька, — сказал врач, — нервы у вас железные.

— Хромо-кобальтовые, — уточнил пациент.

Врач ударил еще раз. Гул повторился.

— Гм... странно, — сказал врач. — Может, у вас протез?

— Нет, все оригинальное, — обиделся пациент.

— Разденьтесь, — строго сказал врач.

— Не могу.

— Это почему же?

— Потому что я не одет.

Наконец врач поднял глаза. То, что представилось взгляду, заставило его отпрянуть.

Перед ним сидел робот. Он улыбался стальными зубами. В его корундовых глазах перемигивались огоньки.

— Кто вы такой? — воскликнул врач.

— Робот! — сказал пациент, и слог «ро» послышался справа, а слог «бот» — слева. Робот согнул руки, и раздался скрип. Согнул ногу, и скрежет огласил кабинет.

— Так... так,— задумался врач.— Мне все понятно! Вы совершенно здоровы, но хотите получить бюллетень. Не выйдет, молодой человек! Если у вас что-нибудь скрипит, обращайтесь в гарантийную мастерскую!

— Ну, хотя бы справку о неРОБОТОспособности,— заканючил робот.

Врач рассердился.

— Дайте-ка мне телефон вашего начальника!

Робот покорно продиктовал номер. Врач накрутил диск.

— Алло! — послышался в трубке гулкий металлический голос.— Главробот уехал на совещание в главк. Говорите, я запишу ваши претензии.

— У меня в поликлинике сидит один из ваших роботов,— возмущенно сказал врач.— Он требует выдать ему больничный лист!

— Это нехорошо,— раздельно ответил гулкий голос.— Но что поделаешь? Он долго работал среди людей. Научился...

— Но он совершенно здоров! — закричал врач.

— Несомненно,— согласился гулкий голос.— Роботы не болеют. На то они и робо... робо... робо... Скажите, доктор, когда вы принимаете?..

КРУГЛАЯ ДАТА

— Разрешите войти!

Дверь редакторского кабинета приоткрылась. На пороге стоял пожилой человек.

— Заходите, пожалуйста.

Редактор поднялся навстречу.

«Интересно, что ему нужно? — подумал он, с сердечной улыбкой протягивая посетителю руку.— Очередной жалобщик? Непохоже. Глаза не бегают... И внешность благообразная. Или попросит подписать на журнал?.. Увы! Эти золотые времена прошли. Подписка давно нелимитирована... Графоман?.. Нет, где же толстая папка с романом?»

— Садитесь! — произнес вслух редактор, гостеприимным жестом указывая на мягкое кресло.

— Вы меня не узнали? — спросил посетитель, устраиваясь в кресле поудобнее.

«Черт тебя подери,— мысленно проворчал редактор.— Откуда я могу тебя знать!»

— Конечно, узнал! Что за вопрос! — с готовностью произнес он вслух. — Ну, кто же вас не знает!

— Нет, впрочем, — решительно сказал посетитель. — Вы меня не можете знать. Вы для этого слишком молоды. Вам, наверно, лет двадцать восемь?

— Тридцать два.

— Ну, вот видите, тридцать два года! Счастливей возраст! А мне пятьдесят... Через несколько дней ровно пятьдесят! Круглая дата. Полвека. Из них сорок отданы литературе.

«Тфу, черт!! — как молнией сверкнуло в редакторском мозгу. — Это же писатель. Известный юморист! Ну, этот... как его фамилия...»

Редактор расплылся в счастливой улыбке. Ему до зарезу нужен был юмористический рассказ в очередной номер. Судьба преподнесла этого писателя-юмориста, можно сказать, на блюдечке.

— Если быть более точным, — продолжал посетитель, — то не вообще литературе, а поэзии. Я пишу стихи сорок пять лет, хотя, — он хмыкнул, — публикую их, правда, только сорок.

«В конце концов юмористические стихи тоже на улице не валяются», — подумал редактор, а вслух уточнил:

— Юмористические стихи?

— О, нет! Только лирические. И никогда им не изменю. Несмотря на свои пятьдесят лет. Пятьдесят... — повторил он, — ровно пятьдесят.

Редактор потерял интерес к посетителю. Лирических стихов в редакционном портфеле было на пять лет вперед.

Посетитель протянул редактору раскрытый паспорт.

— Вот, убедитесь: год рождения 1935-й.

Редактор по инерции быстро записал на бумаге две цифры: 1985 и 1935. Нахмутив брови, из первой цифры вычел вторую.

— Действительно, получается пятьдесят, — сказал он. — Тут уж ничего не поделаешь!

Поэт достал из бумажника пачку фотографий.

— Это я, когда мне было восемь месяцев, — сказал он. — А здесь мне годик, а тут уже три года...

Редактор нервно посмотрел на часы.

— А здесь мне пять лет, а здесь восемь...

Редактор встал из-за стола.

— А теперь мне пятьдесят! Пятьдесят, — настойчиво продолжал посетитель. — Понимаете. круглая дата. Пять-де-сят!..

— Понимаю, понимаю, но зачем так расстраиваться! — покачал головой редактор и стал активно оттирать посетителя к двери.

— Тупая башка! — закричал поэт, очутившись на улице. — Бесчувственное дерево! Я ему ясно объясняю, что мне пятьдесят лет, круглая дата, а он хоть бы что! Даже не предложил опубликовать юбилейную заметку, или напечатать фотографию, или хотя бы дружеский шарж!..

И, остановив такси, поэт с круглой датой помчался в другую редакцию...

ЮМОРЕСКА О ЮМОРЕСКАХ

Как-то на редакционной летучке я рассказал смешную историю. Все посмеялись, особенно развеселился наш главный редактор. Когда товарищи стали расходиться, редактор сказал:

— Гамкредидзе, останьтесь!

Гамкредидзе — это я.

— Послушайте, — сказал редактор, — я уже неоднократно обращал внимание на ваше чувство юмора. У вас очень смешно получаются всякие забавные истории. Почему бы вам не попробовать себя в жанре юморески. Это слабое место в нашей газете.

Я скромно опустил глаза.

— Так вот, — продолжал редактор, — отдел информации обойдется без вас. А вас я назначаю юмористом. Пишите, веселите, развлекайте читателей.

Я принял за работу. Вот краткое содержание того, что у меня получилось:

Хирург Аппендицитов то ли по рассеянности, то ли по ошибке удалил у больного вместо аппендикса печень. Студент-практикант, присутствовавший на операции, воскликнул:

— Что вы наделали! Это же не слепая кишка, это печень!

— Вы так думаете! — удивился хирург. — Не паникуйте, я пришую ее обратно.

К счастью, хирургу не пришлось проделать этот странный эксперимент. Произошло чудо: больной чувствовал себя отлично. Оказалось, что у него было две печени. И как раз в той, которую удалили, находились камни, что и привело к ошибочному диагнозу об аппендиците...

Юмореску я закончил такими словами:

«В природе случаются чудеса. Но что делать тем, невезучим, у которых только одна печень!»

Редактор от души посмеялся.

— Ну, милый, ты не только юморист, ты еще и фантаст! — сказал он, переходя на ты, что означало предел благожелательности. — Но, увы, ты недалновиден. Я понимаю — здоровый человек не думает о завтрашнем дне. Но, упаси боже, у тебя вдруг что-нибудь разболится. Та же слепая кишка или та же печень. С какими глазами ты явишься к врачу, тем паче к хирургу... Оставь в покое медиков. Они и тебе и мне могут пригодиться. Найди другую тему.

Целую неделю я ходил сам не свой, наконец сочинил. Вот вкратце что у меня получилось:

Одна женщина средних лет купила в гастрономе два килограмма риса. Продавец взял с нее два рубля.

На следующий день директор этого гастронома вбежал в бакалейный отдел с таким видом, будто его только что прижгли горячим утюгом, и набросился на продавца.

— Ты, такой-сякой, ты знаешь, с кого ты взял вчера два рубля за два кило риса!

— С кого, уважаемый? Неужели с тетки начальника милиции?

— Бери выше!

— С жены ревизора?

— Хуже.

— Неужели с нового товароведа?

— Еще хуже.

— Хуже быть не может!

— Может! Выгнать тебя надо, чтобы духу твоего здесь не было. Ты обсчитал на 24 копейки мою тещу!

С того дня в гастрономе были приняты предупредительные меры. По инициативе месткома всем продавцам были вручены фотографии близких и дальних родственников директора.

Редактор похвалил меня.

— Это очень хорошо,— сказал он,— и, подумав, добавил,— и очень плохо. Ты гастрономом пользуешься?

— Пользуюсь.

— Так вот, если мы напечатаем твоё сочинение, ты туда носа не покажешь. И я тоже. И все сотрудники нашей газеты. Хороших продуктов нам не видать. И еще, чего доброго, там напишут на нас коллективное письмо, что будто мы их шантажировали, занимались вымогательством. Нет уж, поищи для своего юмора другие объекты.

Через неделю я принес новую юмореску.

Классному руководителю пятого класса школы № 6002 исполнилось пятьдесят лет. В связи с юбилеем родители учеников собрали на подарок 700 рублей и вручили их жене директора завода по производству фруктовых соков, у которой из всех родителей были самые большие знакомства в городе. Она взялась достать для юбиляра новую модель цветного телевизора.

Жена директора фруктовых соков на пути в радиомагазин повстречала какую-то солидную женщину, которая предложила купить почти что даром, за 700 рублей, бриллиантовые серьги.

Жена директора не устояла перед соблазном и вместо телевизора юбиляру купила серьги себе. Но выяснилось, что бриллианты в серьгах фальшивые. Муж «солидной» женщины — подпольный ювелир, вставил в оправу вместо бриллиантов осколки чешского хрустала. Деньги он возвратил, но это не избавило его от наказания.

Дочитав юмореску, редактор воскликнул:

— Вот это то, что надо! Настоящий детектив! — И, подумав, добавил: — Только выбрось ты классного руководителя. У всех у нас есть дети, и все они учатся в школах. Представляешь себе, как после

такой юморески к ним будут относиться учителя. Да, кстати, убери жену директора фруктовых соков. Ее поступок аморальный, какой это пример для других! И потом, все мы как-никак родители, зачем бросать на нас тень. — Он помолчал, поигрывая самопишущей ручкой, потом посмотрел на меня нерешительно. — И подпольного ювелира выкинь. Раз его уже наказали, что о нем писать! Только наживать врагов среди ювелиров...

Я выбросил, убрал, выкинул...

— А теперь походи и напиши что-нибудь такое, понимаешь, смешное, жизненное и никого не затрагивающее...

Я пошел... и написал. Про себя. О том, как я сочинял юмореску.

Мой редактор очень похвалил меня. Но, подумав, добавил:

— Только вычеркни ты из рассказа этого редактора. Тебе еще жить и печататься. Зачем тебе наживать врагов среди редакторов.

ПУТЬ ВВЕРХ

Младший инженер осторожно открыл дверь кабинета.

— Рад вас видеть! — приветствовал его начальник планового отдела. — Какие новости?

— Ничего из ряда вон выходящего. У меня к вам небольшая просьба. Вы как-то сказали, что наш главный инженер — дубина. Разрешите мне передать ему ваше мнение.

Глаза у начальника планового отдела стали круглее его очков.

— Что вы несете! — возмутился он. — Я никогда ничего такого не говорил о нашем главном инженере.

— Понятно! — холодно произнес младший инженер. — В таком случае наш главбух про вас тоже ничего такого не говорил...

И он направился к двери.

— Пстойте! — остановил начальник планового отдела. — Кажется, я действительно как-то сказал, что он дубина.

— Если вы разрешите передать это главному инженеру, я скажу, что говорил о вас главбух.

— Хорошо, — смирился начальник планового отдела. — Можете сказать. Только облеките это в форму дружеской шутки. Например: не «дубина», а «дубинушка». И так, что же говорил обо мне главбух?

— Он тоже просил высказать это в форме шутки: дескать, вы не «балда», а «балдушка»...

Затем младший инженер направился к главному инженеру.

— У меня к вам просьба, — без предисловий сказал он, — разрешите передать директору ваше мнение о нем.

— Какое мнение?

— Вы говорили, что он свинья.

— Никогда этого не было! — запротестовал главный инженер.

— В таком случае не было и того, что сказал о вас начальник планового отдела...

Младший инженер повернулся к двери...

— Погодите! — остановил его главный инженер. — Я кажется, действительно говорил, что наш директор свинья. Но это было сгоряча.

— Если вы разрешите передать ему ваше мнение, я скажу, что говорил о вас начальник планового отдела.

— Ладно, передайте, но, пожалуйста, не так грубо. Например, что он не «свинья», а «поросенок».

— Хорошо! — согласился младший инженер. — Начальник планового отдела тоже просил смягчить его характеристику о вас. Вы не «дубина», а «дубинушка».

Младший инженер направился к директору.

— Разрешите мне передать начальнику главка то, что вы говорили о нем, — сразу приступил он к делу, — а я за это скажу вам, что говорил о вас наш главный инженер.

— Что я говорил?.. — директор призадумался. — Вероятно, вы имеете в виду шутку насчет того, что он студень из свиных ножек. Только...

— Понимаю! Вы хотите, чтобы я передал это как-нибудь поделикатнее. Например, что он студень из телячьих ножек.

— Как вы об этом догадались? — с иронией спросил директор.

— Наш главный инженер, — сказал младший инженер, не заметив иронии, — тоже просил смягчить его мнение о вас. Сказать, что вы не свинья, а поросенок.

Младший инженер собрался покинуть кабинет, но директор остановил его.

— Передавая из кабинета в кабинет то, что там говорят друг о друге, не рассчитываете ли вы, что на каком-то этапе вам скажут: «Забудьте то, что я говорил, и вы получите повышение по службе»?

Младший инженер скромно потупил взгляд.

— Хорошо, вы получите повышение, — сказал директор, — но при условии, если вы скажете мне, что говорят о вас, товарищ младший инженер?

— Обо мне? — младший инженер пожал плечами. — Абсолютно ничего. Я же младший...

— В таком случае, — хмыкнул директор, — придется назначить вас старшим... гм... старшим вахтером. Пора знать, что о вас думают окружающие...

ТОЧНЫЙ РАСЧЕТ

После работы я вышел на улицу и направился к остановке автобуса.

Я представил себе, что ожидает меня в пути. В автобусе, как всегда в это время, будет давка. Оторвут пуговицы, хорошо, если от пальто,

хуже, если от брюк. Вполне возможно, что оттяпают подметки у ботинок.

Чуть поодаль стояло такси.

«Рискнуть, что ли, поехать? — подумал я, но тут же вспомнил случай с соседом. Тот тоже на днях вместо автобуса поехал домой в такси. Счетчик выбил рубль двадцать. Сосед дал два рубля. А таксист говорит: «Что вы мне даете? Это только один рубль». Сосед протянул еще рубль, а таксист говорит: «Хорошо, это по счетчику, а на чай?»

Нет, уж я буду принципиален. Сколько выбьет счетчик, столько и заплачу. А если таксист будет требовать, я и слушать не стану. Какое мне дело, что его сынок берет частные уроки английского языка! Пусть не берет. Или что его жена ходит в туфлях на «шпильках». Пусть не ходит, меньше шансов, что вывихнет себе ступни...

Я втиснулся в такси и сразу же уставился на счетчик. Выскочили первые двадцать копеек.

«Интересно, какие доводы приведет таксист? Может, он скажет, что его машина стояла десять дней в ремонте и он не заработал ни копейки... Все равно заплачу только по счетчику, нечего развращать этих рвачей».

Между тем на счетчике было уже восемьдесят копеек.

«Подумать только! Почти через весь город проехал, и всего восемьдесят копеек! Мудрец, кто придумал такси! Если бы я поехал в автобусе, двух пуговиц уже бы наверняка недоставало, а каждая такая пуговица стоит не меньше тридцати копеек...»

— Вам вниз или вверх? — спросил водитель, притормаживая у развилки.

— Вверх!

— Вверх не поеду. Подъем — сто градусов, мотор перегружается, покрышки изнашиваются.

«Какое мне дело до крышек и мотора! Все равно сверх счетчика не дам ни копейки!» — подумал я, а вслух сказал:

— Хорошо, за подъем доплачу!

— Сразу видно приличного человека! — сказал таксист и единым духом взлетел на подъем.

Когда машина остановилась у моего дома, на счетчике было рубль двадцать копеек.

Но, как назло в кошельке, кроме трехрублевой бумажки, ничего не оказалось.

— Сдачу... — сказал я, протянув три рубля.

— Пожалуйста, генацвале, — сказал таксист и вернул шестьдесят копеек.

— Сдачу... — вежливо повторил я.

Лицо таксиста перекопилось, как на полотне художника-абстракциониста.

«Сейчас он мне скажет: «Крохобор»,— быстро промелькнуло у меня в мозгу. Я ему скажу: «Выжимала», он мне скажет: «Комбинатор», я ему скажу: «Подлец», он мне скажет: «Аферист, бандит». Я ему скажу: «Опасный элемент». После этого он вспомнит мою старушку маму, я проедусь насчет его несчастных детей. Он подобьет мне глаз. Я крикну. Его сволокут в милицию. Я дам показания. Его будут судить за вымогательство и хулиганство. Я вернусь домой пешком, потому что сдачу с трех рублей он мне не дал, а других денег у меня нет...

Моя жена со свойственной ей хозяйственностью подсчитает, что если бы я поехал в автобусе, я потерял бы две пуговицы от пальто — 60 копеек, две пуговицы от пиджака — 40 копеек, возможно, все пуговицы от брюк — 50 копеек, как минимум одну подметку — 2 рубля. И еще пришлось бы купить в аптеке пластырь для подбитого глаза — 25 копеек. Итого, расход — 3 рубля 75 копеек. А таксист мне недодал только 1 рубль 30 копеек. Таким образом, я имею чистый заработок от поездки в такси 1 рубль 95 копеек. За что же я сержусь на таксиста?»

Все это пронеслось в моем мозгу за несколько секунд.

Я гордо бросил:

— Сдачи не надо!

Таксист выскочил на улицу и открыл передо мною дверцу машины.

«Как это все-таки важно,— подумал я,— сделать быстрый и точный расчет...»

ФЕЛЬЕТОН ПОМОГ

Редактор вскрыл конверт и достал из него рукопись.

— Фельетон,— сказал он.

В кабинете создавалась доброжелательная атмосфера. Собрались все члены редколлегии.

— При нашем голоде на хорошие фельетоны,— сказал редактор,— это находка.— И он начал с пафосом читать: — «Телевизор! Я купил его без рассрочки. Ммммммммм,— замычал редактор, читая дальше про себя,— ммммм...— а потом включил телевизор, и диктор на нем получился длинный, как баскетболист. А юная балерина оказалась огромной, как штангист тяжелого веса. Здесь редактор опять замычал: — Ммммммммм... Я вызвал мастера, а он потребовал двадцать рублей...»

— Что здесь нового? — спросил первый заместитель.

— Почитаем дальше,— проворчал редактор.— «Моя жена посоветовала купить пособие по телевидению. Я купил несколько книг и журнал «Радио» и, проштудировав их, узнал, что, если на экране нет изображения, нужно сменить блок ПТК. А если нет ни звука, ни

изображения, виновато сопротивление. Оно стоит в магазине 6 копеек, а телевизионный мастер требует за него десять рублей».

Редактор замолчал, что-то обдумывая.

— А ну-ка включите наш телевизор! — сказал он.

— Не работает. Неисправен, — сказал секретарь.

— Потому я и говорю — включите.

Включили.

— Звук есть, а изображения нет, — констатировал кто-то.

— Минуточку! — воскликнул редактор и прочитал из присланного фельетона: — «Если на экране не появляется изображение, вы заменяете на кинескопе магнитный искатель».

Редактор обвел всех торжествующим взглядом и крикнул секретарю:

— Быстренько в радиомагазин.

Через полчаса магнитный искатель был водворен на место.

Включили телевизор. Все было видно и слышно прекрасно.

Редактор почесал в затылке.

— Посмотрите в почте, — сказал он заведующему отделом писем, — нет ли там фельетона о стиральных машинах, пылесосах и холодильниках.

Все бросились читать почту.

Секретарша со сверхзвуковой скоростью перестучала на машинке фельетон о телевизоре в десяти экземплярах. Видимо, именно десять телевизоров пострадали от мастеров у ее родственников.

— В какой номер будем сдавать фельетон? — спросил секретарь редакции.

Редактор недоумевающе поднял глаза:

— Фельетон? Да вы с ума сошли! Он же никуда не годится. Ему никакая правка не поможет. Верните автору с благодарностью за хороший совет...

ВСЕ ДОВОЛЬНЫ

В пятницу, в первой половине дня, инженер Гвари оставил на столе записку на имя заведующего отделом товарищу Бурдули:

«В понедельник приезжает из Эфиопии муж сестры моей тещи. Не встретить его считаю неудобным, так что я немного задержусь.

С уважением Н. Гвари».

Во второй половине первой половины той же пятницы заведующий отделом Бурдули написал записку главному инженеру Ахаладзе:

«В понедельник моя супруга защищает диссертацию. Думаю, что мое присутствие обязательно. Поэтому немного задержусь.

С глубоким уважением А. Бурдули».

Записку он заклеил в фирменный конверт и сунул под дверь кабинета главного инженера.

В конце второй половины пятницы главный инженер Ахаладзе написал на бланке записку на имя директора:

«Уважаемый тов. Георгиев! Мой племянник похитил девушку и увез ее в деревню. Еду туда, чтобы уладить конфликт. В понедельник немного задержусь.

С уважением Т. Ахаладзе».

Письмо он оставил на столе секретарши.

Перед концом рабочего дня в пятницу секретарша напечатала на машинке записку директору:

«В понедельник мама солит огурцы. Я задержусь. Если захотите «Боржоми», он в холодильнике.

Назик».

Записку она оставила на холодильнике.

В конце рабочего дня в пятницу, когда директору надоело безрезультатно нажимать на кнопку звонка, он написал записку секретарше:

«В понедельник задержусь. Если будут спрашивать сверху, скажи, что поехал в низовые звенья. Если будут спрашивать из низовых звеньев, скажи, что меня вызвали наверх.

Георгиев».

Директор положил записку в холодильник на горлышко бутылки с «Боржоми».

Во вторник, в первой половине дня, инженер Гвари нашел свою записку на столе, на том же месте, где оставил, и уничтожил ее.

Заведующий отделом обнаружил свой конверт торчащим из-под двери кабинета главного инженера. Он бросил конверт в корзину.

Главный инженер нашел свое письмо на имя директора нераспечатанным на столе секретарши и сохранил его до следующей пятницы.

В конце дня директор вызвал секретаршу.

— В понедельник меня никто не спрашивал? — поинтересовался он.

— Нет, — ответила секретарша. — В понедельник вообще никто никого не спрашивал...

А МЫ ЗДЕСЬ ДЛЯ ЧЕГО?

— Бензин есть?

Заправщики удивились:

— А мы здесь для чего?

— Тогда заливайте!

Заправщики переглянулись.

— Новичок? Сам заливай.

Я с трудом оторвал шланг от колонки. Бензин, оставшийся в шланге, вылился мне на новые туфли. Резиновая подметка сразу отклеилась.

Заправщики развеселились.

— Эй, новичок, поставь стрелки на ноль!

Я поставил. Стрелки помчались с такой скоростью, что, когда бак, вмещающий шестьдесят литров, наполнился, счетчик показывал «сто двадцать».

Заправщики в будке помирали со смеху.

— Новичок!

— Ничего, научится!

— Масло есть? — спросил я, вытирая лицо рукавом.

Заправщики возмутились:

— А мы здесь для чего?

— Налейте канистру.

Заправщики показали на кран в черной бочке.

— Что, рук нет? Налей сам.

Я налил масло в кружку, но поскользнулся и расплескал его по полу.

Заправщики схватили меня за шиворот.

— Эй, ты! У тебя совесть есть?! — заорали они, подбадривая меня пинками. — Если все будут проливать масло, на чем машины будут ходить?!

Я подкатился к своей машине на коленках, словно на полозьях.

Гражданин в шляпе помог мне подняться и сунул в руку рубль.

— Будьте любезны, — сказал он, — заправьте мою машину.

Я новичок...

Заправщики заорали:

— Эй, ты! Не смей брать на чай у государственной бензоколонки! А мы здесь для чего?

ТРУДНАЯ НЕДЕЛЯ

Приемная директора была переполнена. Секретарша записывала на прием, как к врачу-гомеопату: на следующий месяц. Нико решил пробыть без очереди. Три дня ожидания в приемной с утра до вечера — и маневр удался. К концу третьего дня, когда все записанные уже прошли, а директор еще не вышел из кабинета, Нико проскочил сквозь незапертую дверь.

— Здравствуйте! — сказал Нико.

Начальник сидел, как мокрая ворона.

— Ох, Нико, — простонал он, — посмотри на меня, я уже не человек. Только и знаю, что принимаю людей. И у всех личные

вопросы. Один развелся с женой, у другого жена требует, чтобы его повысили в должности. Я уже ничего не понимаю. Войди в мое положение, приди завтра с утра.

Легко сказать — завтра! Перед глазами Нико возникла картина приемной директора.

— Завтра не могу, — сказал он, — завтра сестра моей жены наконец выходит замуж. Я назначен тамадой.

— Хорошо, приди послезавтра!

— Послезавтра я уезжаю на свой садовой участок, буду опрыскивать виноградник.

— Приходи через три дня.

— Суббота? Не могу. Выходной день.

— Приди через четыре дня...

— Что вы говорите! Через четыре дня воскресенье!

— Приходи в понедельник.

— В понедельник? У нас в поликлинике диспансерный день. Иду сдавать анализы, делать кардиограмму.

— Приходи во вторник.

— Во вторник вы не можете. Зональное совещание в главке.

— Хорошо. Скажи, что ты хочешь? — еле проговорил директор.

— Отпустите на неделю. Без сохранения содержания.

Начальник замотал головой.

— Такой вопрос решить сразу? Приходи завтра.

— Я же сказал, завтра не могу. Сестра жены выходит замуж.

Я тамада.

Внезапно Нико хлопнул себя ладонью по лбу.

— Товарищ начальник, я совсем забыл! Вы тоже приглашены на свадьбу. Приходите, там и поговорим.

— Запиши адрес. В котором часу прийти? Так! Приготовь заявление: «Прошу отпустить меня на неделю...».

— С сохранением содержания, — подсказал Нико.

КРИТИКА

Во время перерыва я сидел один в отделе. Вдруг дверь завизжала, как обиженный щенок, и в комнату вошел председатель месткома.

— Сегодня производственное совещание, — известил он меня.

— Знаю, — ответил я.

— Мы решили, что с критикой выступишь ты.

— Хорошо, скажу, что наш директор...

— Ты что с ума сошел? — поинтересовался председатель.

— Тогда скажу, что главный инженер...

— Ты что!!! — Закрыл мне рот председатель месткома, с опаской озираясь по сторонам.

— Тогда наш старший бухгалтер...

— Но, но!

Я задумался.

— Ну, что придумал наконец? — спросил с нетерпением председатель месткома.

— Придумал! Наш лифтер иногда заставляет нас торчать между этажами, потом уборщица мочит полы как из брандспойта, а ведь у некоторых ревматизм.

— Молодец! — подбодрил меня председатель месткома.

— И еще: у нас вчера испортился электрический чайник. Гурам разбирается в электричестве, но помочь нам не хочет. Вот и сидим в перерыве без чая.

— Отлично! Так их, так! Пусть не мешают нам нормально работать, — радостно потирая руки, сказал председатель и записал в свою записную книжку: «С критическими замечаниями выступит Отар Сория».

На следующий день лифтер не пустил меня в лифт. Побоялся, что если опять выключат ток, то виноват будет он.

На моем рабочем месте было столько пыли, что я забеспокоился, как бы не заболеть туберкулезом. А в другом углу кабинета Гурам просматривал свежий номер «Юного техника» и скрипел зубами.

РАВНОПРАВИЕ

В универмаге получили письмо из управления торговли. В нем содержался не приказ, не указание, а скорее товарищеский совет: «Было бы целесообразно выдвинуть на ведущие должности женщин. Тем паче, что на вашем предприятии эти места занимают преимущественно мужчины».

Первым долгом в дирекцию вызвали заведующего секцией готовой одежды.

— Дорогой друг, — проникновенно обратился к нему директор. — Вы долго и хорошо поработали на своем посту. Но где же равноправие? Уступите свое место женщине, это будет благородно с вашей стороны.

— С удовольствием, — сказал тот, — моя жена давно мечтает о такой работе. Тем паче, что мне предлагают пост заведующего отделом сопутствующих товаров в гастрономе.

Затем директор пригласил заведующего секцией обуви.

— Дорогой друг, — начал он.

— Знаю, знаю, — перебил заведующий секцией. — Надо выдвигать женщин. Я уже договорился с тещей по телефону. С завтрашнего дня она встанет на мое место. А я перейду в гастроном заместителем директора.

Заведующий отделом галантерейных товаров, тяжеловес, который одним ударом мог свалить взрослого быка, принял известие с облегчением.

— Мой дядя давно проедает мне мозги, чтобы я устроил на работу мою тетю. Она большой специалист в галантерейных вопросах. За это дядя устраивает меня в мясной отдел гастронома.

Некоторое затруднение произошло с заведующим парфюмерным отделом. Его возглавлял коренастый мужчина, настолько сжившийся с парфюмерией, что по его дыханию можно было определить, какие сорта одеколona имеются сегодня в продаже.

— Женскую должность занимаешь, — мягко намекнули ему.

— Не могу без одеколona, — отрезал он. — Без него у меня начинается аллергия...

Сошлись на том, что в универмаг назначили его родную сестру, а его самого пристроили в гастроном заведовать ликеро-водочным отделом.

И тут дошла очередь до самого директора.

— Очень вам нужно оставаться одному среди женщин. У вас голова от них распухнет! — сказали в управлении. — Подберите подходящую женщину на свое место. А вам мы дадим гастроном.

Он выбрал. Новым директором универмага стала молодая красивая женщина, за которой прежний директор ухаживал давно.

Вскоре они поженились.

На свадьбе присутствовал весь женский коллектив универмага со своими мужьями из коллектива гастронома.

И никаких вопросов о семейственности ни у кого не возникло...

МНЕ-ТО ЧТО?

Записки студента

Проходят года, наука движется вперед, и в студенческой зачетке прибавляются все новые предметы.

Но мне-то что! Пусть это волнует студентов двухтысячного года. Воображаю, как тогда на экзаменах будут выжимать студентов! Как бельё! У отстающих в зачетках появятся такие записи:

«Не знает теории Кванта».

«Не умеет пилотировать реактивный самолет».

«Сменил только шесть жен».

Впрочем, и сейчас студент со слабыми знаниями не редкость. У нас есть студенты, не знающие, сколько республик в Закавказье и какие у них столицы. А один мой коллега по курсу до сих пор вместо «Витязь в тигровой шкуре» пишет: «Витя из тигровой шкуры».

Но мне-то что!

Говорят, студенты 2000 года будут проходить практику на Луне. Далековато! Молодые люди с Луны смогут поступить в земной

институт по лимиту, а с Юпитера будут зачисляться без конкурса. Вот только не знаю, как будет с пропиской.

Но мне-то что?

Я сижу в светлой комнате общежития и в предвиденье скорых экзаменов изучаю генеалогическое древо экзаменатора. Просто не знаю, как будут выкручиваться студенты 2000 года, ведь им придется сдавать экзамены специальным кибернетическим экзаменационным машинам. Здесь не поможет ни знакомая бабушка, ни подруга сестры.

Но мне-то что!

Я улетаю цыпленка-табака, которого мне прислали родители из деревни. Интересно! Говорят, что в 2000 году студенты будут выдавливать цыпленка-табака из тубика!

Но мне-то что!

В нынешнем году я окончу университет... (хорошо бы вспомнить название моего факультета) и начну получать зарплату по штатному расписанию.

Вот это мне «что»!

ПЯТЕРКА

Учительница объявила:

— Сегодня у нас контрольная работа. Будем писать сочинение на тему «Наш гость».

Недолго думая я заскрипел ручкой:

«Гость — посланник бога. Так говорит мой дедушка. Я пионер, в бога не верю, но в гостей верю. Когда к нам в дом приходят гости, это всегда к добру. Если к кому-нибудь не ходят гости, таких называют негостеприимными. Моих родителей так не назовешь. Мои родители очень любят гостей. И потому к нам гости часто приезжают. И всегда привозят много продуктов. Индюшек, кур, поросят, баранов, однажды даже корову привели. Такие гости радуют нашу семью. А соседи нам завидуют.

Мама соседей называет «анонимщиками». Я не знаю, что это значит, но думаю, что они это название заслужили, раз мама так говорит.

Недавно мой отец был в командировке в районе, и завтра мы оттуда ждем гостей. Интересно, что они привезут? Хорошо бы мед. Я очень люблю мед. Гость — посланник бога, как говорит мой дедушка...»

За свою контрольную работу я получил пятерку. Учительница похвалила меня при всем классе.

— Ты так реально написал, что я прочитала твое сочинение на учительском совете. Все тебя очень хвалили. Учись, как надо правдиво писать, — заключила она, обращаясь к остальным ученикам.

Я радостный побежал домой. Там меня ожидала неприятность.

В коридоре стояли милиционеры. Один сидел и что-то писал. Гость из района стоял мрачный. На руках он держал барашка, который жалобно блеял. Отец был желтый, как переспевший лимон.

Потом папу и гостя с барашком куда-то увели.

— Сын мой, нас кто-то выдал! — вскрикнула мама, обнимая меня. — Написал про отца, как он ездит в район и как потом к нам приезжают гости. Твой отец больше не будет ревизором, а у нас больше не будет молодых барашков и поросят.

— Не плачь, мама, — сказал я, — за эту контрольную работу я получил пятерку.

— Пятерку? — переспросил дедушка, который был туг на оба уха. — Ну пятерку ему за это не дадут, но года три могут...

ПОДГОТОВКА

— Алло! Алло! Кахетия? Это совхоз?

— Да, слушаю!

— К вам выехал лектор. Алло! Алло!

— Да, да, слушаю!

— Подготовьте помещение и аудиторию. Тема лекции — «Алкоголизм и борьба с ним».

Директор созвал экстренное совещание.

— К нам едет лектор, — сказал он.

— Вай, вай, вай... — закачали головами подчиненные.

— Надо провести подготовку. Ты, Ваню, спишь овцу.

— Есть! — сказал зоотехник.

— Ты, Иракий, подготовишь вино.

— Раз надо, так надо, — сказал главный агроном.

— Ты, Элизбар, раздобудешь коньяк «ОС».

— «ОС» бухгалтерия не пропустит, — сказал экономист.

— Тогда «три звездочки». А ты, Гиви, привезешь литровые рога тура.

— Организуем, — сказал завскладом.

— Ты, Гоги, будешь произносить тосты.

— За этим дело не станет, — сказал главный инженер.

— Ты, Ясон, будешь следить, чтобы все пили до дна.

— Можешь не волноваться, никто не увильнет, — сказал зам. директора.

Директор удовлетворенно оглядел собрание.

— Ну, теперь, кажется, к приему лектора все готово...

* * *

— Алло! Алло! Тбилиси?

— Да, да, слушаю!

— Срочно пришлите врача. Сердечника. Вертолетом! Лектор еле живой...

ПОРУЧЕНИЕ ИЗ СЕЛА

Миха спустился по лестнице с третьего этажа. Дошел до гаража, протянул руку к воротам, и они сами раздвинулись, как занавес в сельском клубе. Из гаража выехала «Волга». За рулем никого не было. Машина как вкопанная остановилась на площадке, где раньше был виноградник.

Автоматика на селе работала безотказно.

Мариам появилась на балконе, одетая по-домашнему. На плечи было накинуто японское кимоно, пухлые губы, подкрашенные французской помадой, горели, как туристические костры.

— Миха! — крикнула Мариам. — Не забудь в городе купить лук.

— Да, — отвечал Миха.

— Свеклу посочнее.

— Да...

— Молоко, мацони...

— Да.

— Красное вино!

— Можно ехать?

«Волга» рванула с места и помчалась по сельской улице, поднимая тучи пыли. Ей навстречу тянулись из города «Москвичи», «Жигули», «Ижи» и «Запорожцы», груженные продуктами сельскохозяйственно-го производства...

ВОДЫ! ВОДЫ!

Сельский клуб был набит, как служебный автобус после работы. Председатель колхоза говорил второй час.

— Мы выполнили план по посадкам молодых деревьев, но с тех пор прошло много времени, а деревья не растут... Дело в том, что их недостаточно посадить, их надо еще поливать, товарищи! Деревья требуют воды, воды, воды!..

Кто-то предусмотрительно наполнил опустевший графин. Председатель опорожнил его одним духом. Это приободрило его, и он продолжал в эмоционально-песенном стиле:

— Пусть всегда будет лес, товарищи! Пусть всегда будет лесной воздух, пусть всегда будем мы! Но для этого, товарищи, требуется много воды, воды, воды!

Графин опять наполнили водой. Председатель опорожнил его одним духом. Это придало ему бодрости, но лишило маневренности. Он стал похож на аэростат, готовый к взлету. Прохрипев: «Берегите деревья!», — председатель с трудом сполз с трибуны и, докатившись до своего места в президиуме, плюхнулся на стул.

Утвердили регламент для обсуждения доклада. Кто-то предусмотрительно наполнил графин водой.

Главный агроном начал речь с известных стихов о лесе, но, прочитав первую строчку, не сумел вспомнить вторую. Образовавшуюся паузу он заполнил опустошением графина.

На трибуну вскарабкался завклубом.

Кто-то предусмотрительно наполнил графин водой.

— Зеленый цвет — эмблема вечности, а зелень требует воду! — воскликнул завклубом и, видимо, для доказательства своей мысли выпил всю воду из графина.

Затем взял слово студент-заочник, которому нужна была справка о том, что он работает в колхозе.

Студент прочитал стихи собственного сочинения, сложенные в современном стиле:

«Там, где есть деревья,
Радостней труды!
Но нельзя издревле
Деревьям без воды!

Воды! Воды!

Ему протянули графин с водой.

Студент под одобрительные аплодисменты встал на голову и в таком положении высосал из графина всю воду до капли.

Это выступление оживило собрание.

Главбух, счетовод и кассир в сопровождении девушек из столовой исполнили песню «Берегите лес».

Все остальные записавшиеся ораторы цитировали классиков и обильно записывали цитаты водой...

А за стенами клуба, куда достигал глаз, поникнув кронами, засыхали молодые деревья. Весна и лето были без осадков, а для полива в этом колхозе не хватало воды...

УТРЕННЯЯ ФИЗЗАРЯДКА

Желательно упражняться в начале рабочего дня, с девяти до десяти часов.

Вздохните, крепко схватитесь за ручку двери директорского кабинета. Глубоко вдохните, так глубоко, чтобы вся грудь заполнилась воздухом. В таком состоянии попытайтесь продержаться как можно дольше (желательно две-три минуты). Если это вам удалось, медленно выдыхая, зайдите в кабинет директора. Наклоните голову, ниже, еще ниже, так, чтобы ваш подбородок коснулся вашего живота. Теперь выдохните окончательно и продержитесь...

Если это упражнение окажется для вас неисполнимым, переходите к другому: склонитесь так, чтобы коснуться лбом ботинок. Оставайтесь в таком положении, пока не услышите одобрительный возглас директора: «А! Это вы! Заходите, заходите!» Тогда распрямляйтесь и переходите к гимнастике лицевых мышц. Улыбнитесь, как можно шире, и когда увидите собственные уши, продолжайте упражнение, пока не увидите собственные зубы. (Примечание: если у вас во рту есть золотой зуб, прикройте ладонью. Весьма возможно, директор не любит хвастовства.)

Упражнение продолжайте до тех пор, пока директор не схватится за голову. Тут сразу же переходите к водным процедурам. Согнитесь в пояснице. В левую руку возьмите стакан (дышать при этом не рекомендуется в целях профилактики против гриппа), правой рукой возьмите бутылку «Боржома», обручальным кольцом откройте ее, налейте боржом в стакан, пока не услышите: «Хватит! Боржом не «Хванчкара»! Услышав это, глубоко вдохните, пулей вылетайте из кабинета и, не переводя дыхания, бегите в ближайший гастроном, где продается «Хванчкара».

Выполняя ежедневно эти упражнения, вы станете любимцем директора, если, конечно, он покровительствует подхалимам...

АКСЕЛЕРАТЫ

Комната детского сада заполнилась детьми. Малыши стали рассказывать друг другу самое интересное, что произошло с ними дома.

— Вчера я съел целую банку мацони не пикнув. Папа за это купил мне кеды.

— А я,— похвалилась черненькая девочка,— не смотрела по телевизору картину «Дамы и господа», и мамочка дала мне за это пачку жвачки.

Все попробовали жвачку.

Вдруг кто-то захныкал. Плаксу окружили.

— Вчера папы-мамы не было дома,— стал рассказывать он,— мне было скучно, и я съел целого цыпленка. Потом закусил банкой варенья и килограммом яблок. Когда родители пришли, папа назвал меня расхитителем и поставил в угол, а мама назвала обжорой и влила мне в рот две столовые ложки касторки...

«Расхититель» с мольбой посмотрел на воспитательницу, та понимающе вывела его за руку.

Это происшествие переполнило чашу. В тот же день общее собрание малышей вынесло порицание заведующему детским садом за слабую воспитательную работу среди родителей, все еще рассматривающих своих детей как несмышленишек.

Процесс акселерации продолжается.
Ожидают, что в ближайшие годы детские сады поднимутся до уровня научно-исследовательских учреждений.

РОМАН В МЕЖДОМЕТИЯХ

Из яичной скорлупы, чесночной и луковой шелухи, из опилок, металлолома, макулатуры и других отходов в изобразительном искусстве созданы шедевры.

Все это поставило на повестку дня вопрос о создании романа в стиле азбуки Морзе или в каком-нибудь другом суперсовременном стиле, например, в междометиях.

Предлагаю вариант:

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Роман.

Часть I.

Дрр, дрр, дрр.
Бах-бух, бах-бух, бах-бух.
Уфффффф...
Чмок, чмок, чмок.
Шлеп, шлеп, шлеп, шлеп...
Дзень, дзень, дзень.
Траля-ля, траля-ля.

Часть 2.

Хлюп, хлюп, хлюп, хлюп...
Га-га-га-га-га.
Уфффффф...
Тара, тара, тара, тара.
Хлюп, хлюп, хлюп...
Хррр, хррр, хррр, хррррр...

Библиография.

Ах! Ох! Ух!.. Фу...

* * *

Чтобы облегчить читателю постижение новаторской лексики, стиля и творческого мышления автора, к роману прилагается толковый словарь:

Дрр, дрр.— трактор в работе.
Бах-бух — работают лесорубы.
Уффффф — перерыв.
Чмок-чмок — поцелуи.
Шлеп, шлеп — пощечины.
Дзень-дзень и траля-ля — звон бокалов и пляски на свадьбе.
Хлюп-хлюп...— весеннее распутье.
Га-га-га-га...— доклад в клубе.
Тара-тара...— прения по докладу.
Хррр, хррр...— село засыпает.
Ах! Ох! Ух! Фу...— разные отзывы о романе.

ДИАГНОЗ

— Уважаемый доктор! Когда мой муж во сне сопел, я молчала. Никому не жаловалась. Когда он начал храпеть, я терпела. Не обращалась к врачам. Но когда он стал во сне аплодировать!.. Я пришла к вам. Сделайте что-нибудь, умоляю вас!

— Расскажите, как это происходит?

— Я сплю и сквозь сон слышу аплодисменты. И, конечно, я просыпаюсь.

— Так, так... А когда вы проснетесь, муж продолжает аплодировать?

— Нет... перестает.

— Ну, что ж, вылечить вашего мужа можно. Только для этого вы должны отучиться во сне произносить речи.

ВУНДЕРКИНД

В трехлетнем возрасте он научился читать и писать!

В пять лет он решал уравнения с двумя неизвестными.

В семь лет он решал интегралы.

В десять лет он изучил теорию относительности Эйнштейна.

В четырнадцать лет он закончил аспирантуру...

— И потом он будет утверждать, что у него было счастливое детство...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Директор занят	3
Он все знает	5
Живой человек	6
Враги подхалимажа	8
Что я делаю в учреждении	9
С новым годом	11
Люстра	12
Мое открытие	15
Метод самовнушения	19
Авторов	20
Не ваше дело!	22
Покрышки	24
Заразительный пример	26
Круглая дата	27
Юмореска о юморесках	29
Путь вверх	31
Точный расчет	32
Фельетон помог	34
Все довольны	35
А мы здесь для чего?	36
Трудная неделя	37
Критика	38
Равноправие	39
Мне-то что?	40
Пятерка	41
Подготовка	42
Поручение из села	43
Воды! Воды!	43
Утренняя физзарядка	44
Акселераты	45
Роман в междометиях	46
Диагноз, Вундеркинд	47

Автандил Николаевич АДЕИШВИЛИ

ДИРЕКТОР ЗАНЯТ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 20.11.85. Подписано к печати 05.02.86. А 00625. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,01. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80 000 экз. Изд. № 589. Зак. № 1938.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЕ, ВКЛЮЧЕН ТЕЛЕВИЗОР!

● Телевизор как средство массовой информации давно вошел в нашу жизнь, получил широкое развитие. Современная квартира сегодня немыслима без телевизора. К сожалению, далеко не все телезрители уделяют должное внимание его техническому состоянию. Из-за несоблюдения правил пользования телевизионными приемниками за последние годы участились случаи возникновения пожаров.

● Чтобы этого не случилось в вашей квартире, **ПОМНИТЕ:** применение нестандартных предохранителей, попадание посторонних предметов внутрь корпуса телевизора, разрешение детям самостоятельно включать и смотреть телевизор в отсутствие взрослых и особенно телевизор, долго находящийся в рабочем состоянии без присмотра, может привести к пожару!

● Если в телевизоре возгорание все же произошло, немедленно выключите его, выньте вилку шнура из розетки, накройте плотной тканью (одеялом) так, чтобы прекратить доступ воздуха, вызовите пожарную помощь по телефону 01.

**Центральный совет Всероссийского
добровольного пожарного общества**